

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ

Рассматриваются появившиеся в результате перехода общества к индустрии знаний проблемы преподавания корпуса дисциплин, связанных с информационными технологиями, а также вопросы переориентации соответствующих курсов на методики гуманитарных наук, главной целью которых должно стать овладение коммуникационно-управленческими навыками, адекватными конкурентной борьбе на рынке труда в условиях постиндустриального общества.

Ключевые слова: *постиндустриальное общество, индустрия знаний, социальная адаптация, конкуренция, рынок труда, общественные связи, управление, коммуникации.*

Развитие информационно-коммуникационных технологий поставило перед всеми, кто обучает будущих специалистов в различных областях деятельности премудростям в работе с информационными системами, довольно сложную проблему: на что ориентироваться в преподавании комплекса дисциплин, так или иначе связанных с информатикой?

Традиционные воззрения были просты: поскольку компьютеры суть порождение математики и ее запросов, а области использования вычислительных машин связаны с решением прикладных задач, сформулированных физикой в ответ на актуальные вызовы, то и навыки работы с компьютером нужны физикам, физико-техникам, инженерам, математикам-прикладникам, статистикам, финансистам, т. е. тем людям, которые работают в областях, требующих операций над числами с использованием соответствующего математического аппарата.

С другой стороны, не ставился под сомнения факт, что обслуживанием и разработкой ЭВМ тоже должны заниматься специалисты: электронщики, программисты, математики. Иными словами, все специалисты, работающие с ЭВМ, в той или иной степени были обязаны владеть математикой и заниматься решением практических задач, продиктованных нуждами текущего дня.

Однако монополией инженеров-физиков, связистов и экономистов электронно-вычислительные машины оставались недолго. Гуманитарии научились играть с компьютером в свои игры довольно скоро, и по мере формализации гуманитарных методов исследований искушение использовать вычислительную машину все больше проникало в работу, связанную в первую очередь с лингвистикой. Другие области гуманитарного знания если не подтягивались туда же, то ощущали смутное стремление в этом направлении.

Все эти вещи слишком известны для того, чтобы давать какие-то ссылки на источники, тем более что нас интересует не история, но актуальные вызовы и возможные ответы на них. И если в области

разработки технических средств с фигурой «ответчающего» ничего революционно нового не произошло, т. е. созданием «железа» по-прежнему заняты инженеры-электронщики, а разработкой программ – профессиональные программисты, то уже постановка задач требует все большего отрыва от узких сфер инженерного знания, а алгоритмизация связанных с решением указанных задач процессов требует использования методик, которые еще недавно были далеки от технических разрешений. Так, например, задачи искусственного интеллекта со всеми соответствующими методами могли быть поставлены и частично решены только тогда, когда мощность вычислительных систем стала достаточной для того, чтобы пользователь мог рассчитывать на получение какого-то результата еще при своей жизни.

Ситуация была взорвана сравнительно недавно, когда компьютер превратился из дорогостоящей игрушки «для настоящих парней» в предмет повседневного обихода, доступный домохозяйке, более того, рассчитанный на уровень знаний домохозяйки без специального образования в технической области. Процесс «гуманизации» компьютера можно было бы назвать профанацией в исконном значении этого слова, не появившись новое «священное знание», связанное с ЭВМ. Поэтому уместнее будет слово «гуманитаризация», поскольку новые «сакральные» свойства информационных технологий стали связываться со сферой гуманитарных дисциплин.

Правда, старые задачи никуда не исчезли, что породило известную двойственность в отношении ЭВМ – компьютеров со стороны всего пользовательского корпуса, а в особенности среди тех, кого можно условно назвать менеджерами общего назначения, т. е. специалистами, работающими не столько с предметными областями и отвечающими на вызовы последних, сколько с миром в его социальном измерении и отвечающими на общественные вызовы. Т. е. задачи технической инженерии постепенно вытесняются из сферы общественных интересов задачами социальной инженерии.

Главные из вопросов, становящихся перед преподавателем, ныне суть: как обучать студента информатике и информационно-коммуникационным технологиям? на что опираться? что из прежних «прописей» взять в будущее?

Возьмем конкретный пример. Кафедра информатики и информационных систем Евразийского открытого института. Корпус дисциплин, непосредственно связанных с информатикой, включает в качестве основных «Основы информатики», «Информатика и информационно-коммуникационные технологии», «Информатика и информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности» (по отраслям).

Еще часть дисциплин связана с программированием: «Информатика и программирование», «Языки программирования».

Кроме того, часть времени студенты отдают изучению алгоритмизации, что, строго говоря, является отдельной и очень серьезной областью специальных знаний.

Все это, можно сказать, традиционный корпус знаний пользователя ЭВМ. Однако современные вызовы поставили перед нами вопросы, решаемые в таких курсах, как «Интегрированные средства коммуникации», «Социальные и этические проблемы информационных технологий».

И вот про последние две уже точно нельзя сказать, что они относятся к инженерным дисциплинам. Безусловно, они гуманитарны по своей сути, но попадают в область, традиционно связанную с компьютерной техникой. Но имеют ли отношение технологии, разработанные для данных сфер деятельности, к информационным? Безусловно, если считать информационными те технологии, которые связаны с обработкой информации, а способ таковой обработки воспринимать всего лишь как придающий процессу особую методологическую окраску. Говоря иными словами, методики обработки дерева топором и стамеской различны и, хотя выводимы в рамках единой методологии, все же придают каждому из процессов неповторимое своеобразие, требуют разных навыков и компетенций: даже способы заточки топора и стамески существенно разнятся и обусловлены не только материалом, в котором они воплощены, но и самими задачами, которые решаются с помощью данных орудий. Различны и методики, связанные с разными способами хранения, передачи и обработки информации. Более того, как утверждает Маршалл Маклюэн [1], каждому такому способу (каждому *media*, каждому средству связи) соответствует свой мир, который ставит перед человеком уникальные задачи, даже в большей степени гуманитарного свойства, нежели технического.

Вопросами компетенций, вырабатываемых при изучении дисциплин, заняты не только в Евразийском открытом институте. Существует как минимум два подхода к формированию компетенций. Один можно назвать узкопрофессиональным [2], второй – творческим [3]. Мы, будучи вузом экономическим, заинтересованы в третьем пути, т. е. в формировании управленческих и социальных компетенций, во-первых, а во-вторых, поскольку Евразийский открытый институт ориентирован на дистанционное обучение, в формировании общесоциальных компетенций через главный инструмент дистанционного образования: информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). При этом нельзя сказать, что информационными технологиями в деле формирования компетенций озабочены только мы [4], но для нас ИКТ – приоритетное направление.

Так специалистом в каких областях должен быть учитель ИКТ?

Начнем издалека.

В современной теории литературы есть дисциплина, называемая нарратологией. Она довольно сложна и неплохо разработана для того, чтобы овладеть ею за три минуты, поэтому и задачи такой мы ставить не будем. Нам важно знать, что все методы анализа произведения, принятые нарратологией, формальны, данная дисциплина оперирует такими понятиями, как «картина мира» и «событие», которые могут рассматриваться не только в терминах философии и социологии, но и в терминах программирования (событие как процедура программы – картины мира). Вдобавок к сказанному, нарратология рассматривает произведение как информационную систему, состоящую из разного рода информационных потоков, как не связанных между собой непосредственно, так и зависящих друг от друга, взаимообусловленных. Теоретическому программированию такое разбиение программ известно давно, поэтому сказать, что теория литературы не имеет отношения к современным ИКТ, было бы опрометчиво. Даже больше того: именно сейчас данное заявление было бы некорректным, поскольку, как уже отмечалось выше, интересы ИКТ переместились из области технических знаний в область «социального инжиниринга», в область коммуникаций. А коммуникации – это уже не столько предмет исследования *Bell Labs*, сколько предмет исследования современных кафедр теории литературы.

Помимо способов рассмотрения внутренних связей «инфопотоков» произведения словесности в теоретическом аппарате нарратологии присутствует в обязательном порядке инструментарий, позволяющий изучить взаимодействие между производением (информационной системой в самом

широком смысле) и реципиентом. В рамках заданного взаимодействия может возникнуть задача усиления или ослабления воздействия сообщения на получателя. Следует почти в скобках отметить, что данная задача относится к классу задач манипуляции сознанием, но это в конечном счете тоже одна из частных задач социального инжиниринга и управления. Т. е. нельзя сказать, что данная задача бессмысленна или же безразлична.

Итак, раз манипуляция сознанием относится к числу социально значимых навыков, то для реализации манипуляционных схем должна пригодиться прагматика – дисциплина, изучающая взаимодействие текста с читателем. Т. е. из области технической и даже социальной мы вновь возвращаемся в область чистой гуманитарной науки.

Но и это не все.

Ведь если разговор заходит о прагматике, нам волей или неволей придется касаться таких скучных вещей, как синтаксис, стили общения, семантика. И от простого исчисления высказываний, присваивающего определенное значение какому-то синтаксическому конструкту, мы приходим к таким понятиям, как дискурс и дискурсивный анализ. Первый из которых позволяет формулировать выражения в синтаксически корректной и максимально уместной форме в соответствующей лингвистической стилистической среде и присваивать им какие-то диктуемые данной средой значения. Второй же позволяет раскрыть данные значения исходя из актуальных дискурсивных практик.

Однако данная задача необычайно близка к традиционным методам преподавания программирования, поскольку может быть решена в рамках изучения языков высокого уровня и методов написания программ на алгоритмических языках. Особенно это касается тех языков, которые не только удобно, но и естественно излагать, опираясь на порождающие грамматики Хомского, для описания которых создана особая метаязыковая среда, как, например, расширенная форма Бэкуса-Наура для описания языка Паскаль. Тогда выражение типа «по определению есть» может быть заменено словесной конструкцией «согласно правилам, явно определенным в языке, цепочка символов *a* может быть преобразована в цепочку символов *b*, или цепочку символов *c*, или цепочку символов *d*», откуда один шаг до понимания того, какая цепочка уместна при реализации того или иного алгоритма. И уж совсем важным становится изучение программирования в его традиционном изводе при написании различных программ, решающих одну и ту же задачу разными способами, продиктованными конкретными условиями ограниченности оперативной памяти или недостаточного быстродействия процессора.

Впрочем, можно сказать, что сейчас область применения таких методов программирования и, следовательно, необходимость обучения им, чрезвычайно мала, поскольку задачи оптимизации собственными вычислительными процессами перед рядовыми пользователями не стоят. Значит, их учить этому на специальном теоретическом уровне не только трудно, но и до некоторой степени бессмысленно. Поэтому гуманитарный подход здесь кажется гораздо более уместным, поскольку может сводить языки программирования к демонстрационным моделям естественных языков.

Тем более что все сказанное применимо лишь до того момента, пока речь не зашла о дискурсивном анализе. Тогда уж традиционные языки высокого уровня с методами их описания с помощью грамматик Хомского и жесткого приписывания значений их конструктам с помощью исчисления высказываний уступают место присваивающим процедурам с помощью фреймов знаний, что суть задачи, решаемые не в рамках грамматик, а в рамках проблемы искусственного интеллекта. Которая тоже лишь в небольшой своей части относится к инженерной области, а в большей степени к области коммуникаций, речевых практик. Т. е. снова к гуманитарной области знаний.

Таким образом, и то, что включает в название слово «коммуникации» и его производные, и то, что связано с языками программирования и алгоритмами, может быть отнесено к гуманитарной области. Первое – через нарратологию и далее – теорию коммуникаций, второе – через теорию языков, что, хотя чуть менее очевидно, все же наблюдаемо.

Как мы увидели, необходимость изучения языков программирования остается даже тогда, когда нет практической пользы от владения ими, если они являются моделью, иллюстрирующей более общие законы. Не сходит на нет и значение методов программирования, даже если их преподают студентам, не ориентированным на практики, связанные с вычислениями.

Дело в том, что главный вызов современности – кочевничество, умение в рамках «индустрии знаний» занять подобающее место среди управленцев [5], поскольку в состоянии постмодерна новые знания получают из старых, из умения установить связи между явлениями, ранее рассматриваемыми как независимые [7]. Новые средства коммуникаций требуют новых навыков, первым из которых является быстрота реакций на изменяющийся мир, а он изменяется теперь со скоростью доставки электронной почты, т. е. практически мгновенно с тех самых пор, когда возник телеграф [1]. Умение видеть данную «картину мира» целиком, умение получать новые знания исходя из насущных потребностей, владения навыками управления в по-

добной изменчивой и весьма агрессивной среде – вот те компетенции, которыми должны обладать студенты, прослушавшие указанные курсы.

Подход из теоретического программирования может быть оправдан далеко не всегда.

Переход к объектно ориентированному программированию требует в качестве предшествующей ступени не только освоения модульного (или даже модульно-векторного) программирования, но и глубокого понимания тех аспектов, которые изучают в теории и которые были важны для практики, когда машины были большими, а их память маленькой и быстродействие низким. Тогда имело смысл рассматривать программу как пучок информационных связей, часть которых была независимой друг от друга и, следовательно, теоретически могла быть реализована в параллельных процессах. Даже задачи распределения памяти решались из анализа информационных связей в программе, когда ячейки выделялись динамически по мере их освобождения. Как видим, это все имеет отношение к управлению процессами и комплексами, но довольно специфическое. Да и не каждый, как показывает опыт, способен абстрагироваться от естественного речевого акта к формальному языку. Что налагает еще одно ограничение: оказывается, ИКТ нельзя читать не только с упором на математику и инженерную область, но и при погружении в чисто гуманитарные области языкознания, теории языков и теории литературы тоже возникнут проблемы, во-первых, слабого понимания их людьми «неспециальными», а во-вторых, само такое изложение потребует перевода понятийного аппарата гуманитарных областей в терминологию соответствующих математических и технических дисциплин.

Это, по крайней мере, первая проблема, преодолеть которую необходимо при самостоятельном изучении и обучении студентов всем премудростям ИКТ.

Итак, обозначена первая проблема, связанная с преподаванием ИКТ: унификация знаний и терминов, используемых в описании ИКТ. Мир, описанный в однозначных терминах, теряет фрагментарность, становится целостным. Он познается в рамках общенаучной методологии и управляется с помощью хорошо изученных или хотя бы имеющих неплохо написанную инструкцию по эксплуатации инструментов.

Возникает вопрос: а так ли необходимо само это «мировоззренческое» измерение ИКТ? Ведь мир изменяется всегда, а вместе с ним изменяется и система образования. Навыки, еще вчера казавшиеся самыми главными, теперь теряют свой смысл. Но вот в том ли тут причина, что стали не нужны знания или стало ненужным целостное мировоззрение?

Нет, знания нужны по-прежнему. По-прежнему необходим целостный образ мира – именно эти два пункта позволяют человеку возвыситься над обстоятельствами и управлять процессами.

Известно, что историю делают управленцы, которые умеют дать наиболее адекватный ответ вызовам современности. Даже такой сторонник «духовности», как Семен Людвигович Франк, писал о том, какую честь в обществе и общественном развитии имеют управленцы [7], более того, даже военную аристократию он рассматривал не как специфически военную касту, но как управленцев, владеющих лучшими ответами на вопросы в условиях окружающего их «здесь и сейчас». Поэтому вслед даже за таким мистично настроенным философом, каким был С. Л. Франк, мы можем сказать, что первичные функции аристократии – управленческие, военные – вторичны. Меняется мир, должна меняться аристократия. Потому что ее цель – не война, но управление обществом. Значит, с неизбежностью должна измениться система кооптации новых членов в управленческий класс. Если раньше посвящение в рыцари совершалось на поле боя, скользком от пролитой крови, если немецкая система образования была связана с воспитанием «мандарина» [8], получающего государственный чин в зависимости от полученного образования, то сейчас в управленцы берут отличившихся на поле боя информационной войны, главным оружием в которой являются уже не продукты традиционной индустрии, но продукты индустрии знаний. Правда, нужно отметить, что выражение «информационная война» не следует рассматривать идеологически или специфически. Наоборот, это сейчас – общее место. Поскольку мир информационный, конкуренция в нем происходит в информационном пространстве. Другого попросту нет.

Не может, следовательно, оставаться неизменной система существующих иерархий. Принцип остается прежним: призываются все военнообязанные, лучшими становятся не только самые приспособленные к месту и времени, но и самые дальновидные. Поэтому система «мандаринов», скопированная Россией еще до революции с прусской системы, не может дать адекватный ответ звучащим сегодня вызовам. Примером краха этой системы стала ее модификация – советские «наукоградцы», попытавшиеся превратить ученых в касту, но не преуспевшие в этом. Напрямую ставить положение в управляющей вертикали государства в соответствие образованию было нельзя – для кооптации в управленцы существовал партийный механизм, но и игнорировать образованных людей тоже было немисливо в условиях НТР и индустриального общества. Однако для сложения сословия не

было не только экономических предпосылок, научная династия – это *contradictio in adjecto*: само по себе научное сообщество не может быть наследственным, оно, подобно монашескому, всегда пополняется единицами, оно предельно демократично, открыто и принципиально внесловно [9].

С другой стороны, дореволюционная русская профессура, главным образом гуманитарного толка, смогла составить прообраз сословия со своими кодексами чести и нормами этики, но, как видится, именно в силу выработки особого группового этикета [10], что говорит о том, что в XIX в. в России был запрос на подобную организацию университетских управленцев и управленцев самого широкого профиля. Включая, к сожалению, управленцев-террористов.

Воспитание современного управленца – задача более сложная и ответственная, чем вчера воспитание «настоящего ученого». В силу ряда исторических причин мы лишились всего слоя топ-менеджеров. Еще недавно с этим можно было худо-бедно «догонять», но вот «перегонять» – уже никак. Мы пропустили эпоху самобытного индустриального развития, зато впереди эпоха, в которой самобытность не играет никакой роли. Задача – перешагнуть в посттехнологическую цивилизацию, минуя технологическую фазу. Это реально, если понимать, что управляют миром не деньги, не энергии, а компетенции именно мировоззренческого типа.

Работа со смыслами – вот оружие современной войны.

Войны выигрывают тактики в одной упряжке со стратегами.

Тактики владеют методами, понимают и принимают условия их применимости на местности, стратеги предугадывают, какой станет сама местность вскоре, как она изменится к моменту разворачивания на ней театра военных действий.

Проведенный анализ компетенций, указанных в качестве обязательных для разных дисциплин и разных направлений образования, показал, что многие из них предусматривают подготовку студента и учащегося к тем условиям, которые сложились в настоящее время в «информационной цивилизации». Они, в частности, подразумевают:

- способность ориентироваться в условиях частой смены технологий профессиональной деятельности;

- овладение информационной культурой, способность к анализу и оценке информации с использованием информационно-коммуникационных технологий;

- использование информационно-коммуникационных технологий в профессиональной деятельности;

- способность осуществлять поиск и использование информации, необходимой для эффективного выполнения профессиональных задач, профессионального и личностного развития;

- самостоятельное определение задач профессионального и личностного развития, способность к самообразованию и осознанному планированию повышения квалификации;

- ориентирование в условиях постоянного изменения базовой информации по отрасли;

- готовность к смене технологий в профессиональной деятельности.

Мы намеренно взяли компетенции, относящиеся к СПО (т. е. к сфере предоставления услуг, а не к сфере принятия решений) и предназначенные, говоря условно, для самых маленьких: ведь уже в детей неплохо было бы закладывать знания не только о том, как действовать в постоянно изменяющемся мире, но и том, почему именно так нужно действовать в условиях индустрии знаний. Помимо очевидной практической пользы ориентация на дальние цели позволит выявить амбициозных учащихся, способных преодолеть путь от сферы обслуживания к управленческой деятельности.

Однако нам не удалось обнаружить ни одной компетенции, которую можно было с полным основанием назвать «социально-семантической», вскрывающей смысл окружающего нас мира и общества, смысл и форму наших действий в них. Однако только такие, пока отсутствующие, компетенции могут быть названы адекватными существующим условиям, а выработаны они могут быть не столько традиционными взглядами на информатику, как на дисциплину, имеющую отношение к математике и технике, сколько новым осознанием жизни в качестве информационного процесса, связанного больше со словами, нежели с цифрами. «Менеджер среднего звена», каковым предполагается первоначально выпускник вуза, должен, таким образом, владеть скорее большим объемом гуманитарных знаний, нежели технических, но и сами гуманитарные знания при этом должны быть переведены на язык, знакомый управленцам. Не столько еще более математизированы, сколько стандартизованы и согласованы в терминологии со смежными дисциплинами.

Решить эту задачу – ответить не только на глобальный вызов современности, но и понять логику локальной реформы системы образования, имплицитно готовящего специалиста постиндустриального общества, в котором, хотя это звучит фантастически, затратная часть производства будет минимизирована, концентрация производства не будет иметь смысла, реальное перемещение продукции не будет иметь места, на смену экономически оправданной серийности конвейера придет уни-

кальность быстрого и близкого изготовления продукта с помощью «нанотехнологий».

Мы признаем, что их существование пока проблематично, а значит, и ориентация на них не может быть названа безупречной. Однако стоит только посмотреть на проблему с другой стороны, как становится ясно: если в условиях жесточайшей конкуренции массовое образование будущих

управленцев среднего звена «заточено» под «наномир», то, скорее всего, этот новый мир придет.

Нам останется встретить его во всеоружии компетенций, позволяющих выносить адекватные суждения о мире как об области постоянной внутривидовой конкуренции и повышающих наши шансы на выигрыш в этой борьбе именно «здесь и сейчас».

Список литературы

1. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003.
2. Долганова Н. Ф., Долганов В. М. Узкопредметные компетенции, формируемые в процессе обучения элементам вычислительной геометрии // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. Вып. 7 (122). С. 206–212.
3. Вострокнутов Е. В., Разуваев С. Г. Сущность понятия «творческие компетенции» в спектре категориально-понятийного поля педагогики // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. Вып. 2 (117). С. 13–19.
4. Киндяшова А. С., Жигинас Н. В. Формирование предметных компетенций будущих педагогов средствами электронного учебно-методического комплекса // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. Вып. 8 (123). С. 140–145.
5. Меняющаяся социальность: контуры будущего. М.: ИФРАН, 2012.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
7. Франк С. Л. Духовные основы общества. Нью-Йорк: ПОСЕВ-США, 1988.
8. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: академическое сообщество в Германии. М.: Новое лит. обозрение, 2008.
9. Петрушенко Л. А. Повседневная жизнь средневековой Европы. М.: Молодая гвардия, 2012.
10. Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х., Ильина К. А. Русские профессора: университетская корпоративная или профессиональная солидарность. М.: Новое лит. обозрение, 2012.

Маликов Е. В., доцент кафедры.

Евразийский открытый институт.

Ул. Нежинская, 7, стр. 1, Москва, Россия, 119501.

E-mail: eugene@malikow.ru

Материал поступил в редакцию 19.09.2013.

E. V. Malikov

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES AND SOCIAL COMPETENCE

The article deals with the problems of adopting the methods of humanitarian science while teaching subjects related to information technology. The main goal of this humanitarian shift is to provide communication and management skills for competitive in post-industrial society.

Key words: *post-industrial society, knowledge industry, social adaptation, competition, labor market, public relations, management, communications.*

References

1. McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*, Moscow, KANON-pess-Ts Publ.; Zhukovskiy, Kuchkovo pole Publ., 2003 (in Russian).
2. Dolganova N. F., Dolganov V. M. Narrow subjective competence formed in the process of computational geometry elements learning. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, vol. 7 (122), pp. 206–212 (in Russian).
3. Vostroknutov E. V., Razuvaev S. G. The essence of the concept “creative competences” in the spectrum of categoric conceptual area of pedagogy. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, vol. 2 (117), pp. 13–19 (in Russian).
4. Kindyashova A. S., Zhiginas N. V. The formation of subject specific competences of future teachers by means of electronic educational and methodical complex. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, vol. 8 (123), pp. 140–145 (in Russian).
5. *The changing social: contours of the future*, Moscow, IFRAN Publ., 2012 (in Russian).
6. Lyotard J.-F. *La condition postmodern*. Moscow, Institut eksperimental'noy sotsiologii Publ., St. Petersburg, Aleteya Publ., 1998 (in Russian).
7. Frank S. L. *Spiritual foundations of society*, New York, POSEV-USA Publ., 1988.
8. Ringer F. *The Decline of the German Mandarins. The German Academic Community, 1890–1933*, Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2008 (in Russian).
9. Petrusenko L.A. *Everyday life of medieval Europe*, Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012 (in Russian).
10. Vishlenkova E. A., Galiullina R. H., Il'ina K. A. *Russian Professor: University corporate or professional solidarity*. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2012 (in Russian).

Euroasian Open Institute.

Ul. Nezhinskaya, 7, building 1, Moscow, Russia, 119501.

E-mail: eugene@malikow.ru